НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

РГ
3026
р 93

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
458
54

В. М. Жирмунский

Процессы языкового смешения в франко-швабских говорах южной Украины

Le procès du mélange des langues dans les dialectes franco-souabes de l'Ukraïne méridionale

1. Изучение колониальных говоров имеет для исторического языкознания существенное методологическое значение. Здесь, в условиях «лабораторного» обособления в иноязычной среде, в обстановке, благоприятной для непосредственного наблюдения, совершаются на протяжении сравнительно короткого промежутка времени процессы языкового смешения, имеющие как бы показательное значение: знакомство с их внутренней диалектикой позволит осветить аналогичные явления, совершавшиеся в историческом прошлом языков, о котором не сохранилось сведений достаточно полных и точных.[1]

Немецкие колониальные говоры в СССР в большинстве случаев по своему происхождению являются смешанными. Даже в более редких случаях переселения на новую родину замкнутой религиозной общины или секты (меннониты с низовий Вислы, вюртембергские сепаратисты в Закавказьи) эмиграционное движение захватывало обыкновенно не одну деревню, а целую небольшую территорию; в пределах такой территории уже существовала некоторая диалектологическая диференциация, на почве которой происходит смешение при образовании колониального говора. Обычно, однако, колонисты в каждом данном поселении происходят из очень различных мест. Правда, во многих случаях в составе такой смешанной колонии один из элементов настолько преобладает, что другие оказываются поглощенными господствующим говором, за исключением совершенно незначительного числа

[1] Ср. по этому вопросу мои статьи: «Проблемы колониальной диалектологии» («Язык и литература», вып. III, сб. ИЛЯЗВ'а в честь акад. Н. Я. Марра, 1929). — «Sprachgeschichte und Siedelungsmundarten» (Germanisch-romanische Monatsschrift, 1930, Heft 3/4 — 5/6).

реликтовых признаков, принадлежащих вытесненному наречию. Такие говоры мы не называем смешанными в специальном значении этого слова. Под смешанными говорами мы будем понимать в дальнейшем диалекты, которые имеют ряд признаков, географически исключающих друг друга: одни должны быть локализованы в одной части диалектологической карты прежней родины колонистов, другие — в другой части, более или менее отдаленной от первой. Такой характер имеют, например, франко-швабские говоры южной Украины. К этой группе относятся следующие колонии: Александергильф и Нейбург (Одесский окр., Гросс-Либентальский район), Глюксталь и Бергдорф (Молдаванская республика, Григориопольский район), Иоганнесталь и Ватерлоо (Николаевский окр., Ландауский район, — так наз. «Березанские» колонии), Гюльдендорф (около гор. Одессы). Материал, собранный мною по языку этих колоний в экспедициях ИЛЯЗВ'а, организованных мною летом 1926—28 гг. на средства Наркомпроса УССР, послужит в дальнейшем для иллюстрации общих принципов диалектического смешения в колониальных говорах. К тому же типу относятся так наз. «швабские» говоры крымских колоний — господствующий тип среди немецких диалектов Крымреспублики, которые должны, однако, явиться предметом более специального исследования.

2. О составе первоначального населения этих колоний существуют некоторые историко-статистические данные в отчетах немецких волостных управлений, составленных в 1848 г. по распоряжению попечительного комитета в Одессе.[1]

Колонии Александергильф (A) и Нейбург (N) основаны в 1805 г. выходцами из Вюртемберга. В 1805—1806 гг. значительная часть первых поселенцев погибла от эпидемий. На их место были вызваны немецкие колонисты из южной Венгрии, как видно из церковных книг — из колоний Kisker, Sheghegy, Neu-Verbacz, Torcza, Bulaczy (в области Бачка). Часть «венгерцев» поселилась самостоятельно, основав в том же районе колонии Альт-Фрейденталь и Петерсталь (1806 г.): говор их — западнорейнско-пфальцский (округ города Цвейбрюкен), и мы имеем все основания считать его первоначальным говором венгерцев, помещенных в соседних смешанных колониях вместе с остатками швабов. Всего в A имелось 36 семейств из Вюртемберга, 21 из Венгрии, кроме того 3 из Пфальца, 3 из Эльзаса,

[1] См. Die deutschen Kolonien in Cherson und Bessarabien. Berichte der Gemeindeämter hsg. v. Georg Leibbrandt. Stuttgart, 1926.

5 из разных мест; в N, повидимому, 31 семейство из Вюртемберга и 29 из Венгрии.

Колония Глюкталь (Gl) основана в 1805 г., Бергдорф (B) — в 1809 г. В Gl было при основании 67 семейств из Вюртемберга, 27 из Венгрии, 10 из Эльзаса, 9 из Бадена, 3 из Пфальца, 9 из разных мест; в B 35 семейств из Вюртемберга, 21 из Эльзаса, 4 из Бадена, 1 из Пфальца, 7 разных.

Колония Иоганнесталь (J) существует с 1820 г. Значительная часть первых поселенцев принадлежала к отрядам вюртембергских сепаратистов направлявшихся в 1817—1818 гг. в Закавказье.[1] Из общего числа поселенцев 41 семейство происходило из Вюртемберга, 13 из немецких колоний в окрестностях Варшавы и в Прусской Польше, 8 из Бадена, 2 из разных мест.

В колонию Гюльдендорф (Gd), существующую с 1830 г., были переведены, в виду обнаружившихся неблагоприятных почвенных условий, колонисты из трех поселений (Штуттгарт, Фридрихсталь и Ватерлоо), расположенных в Березанских степях и основанных в 1818 г. преимущественно теми же сепаратистами: 65 семейств происходило из Вюртемберга (из округов верхнего и нижнего Неккара), 19 из Бадена, 9 из Прусской Польши (Познанская область), 3 из Венгрии. Оставшимися в Березанских степях поселенцами в 1832 г. была вторично основана колония Ватерлоо (W): в ней насчитывалось 12 семейств из Вюртемберга, 13 из Бадена, 2 из Рейнского Пфальца, 6 из Прусской Польши, 1 из Австрии.

Приведенные здесь статистические данные отличаются, к сожалению, некоторой неполнотой и неточностью. Деление по крупным политическим территориям не совпадает с границами диалектов: поскольку отсутствуют более дифференцированные географические указания (названия округа, деревни), обобщающая территориально-политическая номенклатура подает повод к двусмысленностям. Так, Вюртемберг, кроме основной швабской части, включает на севере (в особенности после 1803—1805 гг.) пограничную территорию с франкскими или, точнее, переходными франко-швабскими говорами. Герцогство Баденское, после присоединения в 1803 г. восточной части Палатината (Пфальц), включает в свой состав кроме южнонемецких (севернобаденских) говоров также средненемецкие (восточнопфальц-

[1] О последних ср. Georg Leibbrandt. Die Auswanderung aus Schwaben nach Russland 1816—23. Stuttgart, 1928, а также V. Schirmunski. Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Sudukraine. Teuthonista, Jhg. 5, Heft I, 1929.

ские). Некоторые границы в Наполеоновскую эпоху менялись или проходили иначе, чем теперь. Так, Эльзас («Bezirk Elsass, Frankreich» — как указывает отчет для B) в своей северной половине (Département du Bas Rhin) включал также южную часть Палатината (Пфальц) до гор. Ландау-Гермерсгейм, отошедшую после Венского конгресса (1815) к Баварии (Германии): таким образом и здесь один политический термин покрывает говоры средненемецкие (южнорейнскопфальцские) и южнонемецкие (южнофранкский говор пограничной полосы сев. Эльзаса и собственно эльзасский района Страсбурга, имеющий для колоний меньшее значение). Некоторые территориально-политические обозначения не дают нам никакого представления о диалекте поселенцев, напр., указание на происхождение из пестрых по своему составу немецких колоний в Польше. Тем не менее, сопоставляя эти несовершенные историко-статистические материалы с языковыми особенностями смешанных говоров и с нашими общими сведениями о районах, из которых, по преимуществу, происходила эмиграция в Россию, полученными на основании исторических и лингвистических данных о колониях несмешанного типа, мы можем получить достаточно полное представление о первоначальном составе населения изучаемых нами смешанных поселений.

Мы видим прежде всего, что во всех перечисленных колониях (кроме W) выходцам из Вюртемберга принадлежало первоначально более или менее значительное абсолютное большинство, так что швабские говоры (может быть, с некоторой примесью переходных швабско-франкских) повсюду преобладали (шв.). Из франкских говоров (фрк.), как и в других колониях, были представлены по преимуществу, диалекты средненемецкие южнорейнскофранкской группы (ю. р. фр.) и диалекты южнонемецкие южнофранкской группы (ю. фр.). Первые представлены у нас зарейнскими говорами Баварского Пфальца (рейнскопфальцская группа — р. пф.) и «венгерских» колоний (западнорейнскопфальцская группа — з. р. пф.), быть может, так же — восточнопфальцскими говорами Бадена (в. пф.): вторые — южнофранкскими наречиями северного Бадена (Баден-Дурлах — с. б.) и северного Эльзаса (с. э.). Вся эта область в диалектическом отношении объединяется целым рядом общих признаков, которые условно обозначены мною как «общефранкские»:[1] они являются грамматической основой для образования диалектической койнэ («общего языка»). Говоры,

[1] См. Проблемы колониальной диалектологии, стр. 197.

лежащие за пределами этой швабской и франкской группы, представлены настолько незначительными элементами, что в дальнейшем могут не приниматься в расчет.

3. Целый ряд признаков из области фонетики и морфологии объединяет франкские и швабские говоры. Это — те общие признаки югозападнонемецкой группы (иногда еще шире — всех верхненемецких диалектов), которые не дают повода для географической дифференциации. Напр.: 1) закрытое произношение гласных i, u, o: šlidə 'Schlitten', luft, ogs 'Ochse'; 2) делабиализация ö, ü, (ó:, ü:) > e, i (e:, i:): 'kepf 'Köpfe', g'l'ik 'Glück'; 3) сохранение краткости гласного в открытом слоге перед -t- (-d-) при заударном сонорном: fådr 'Vater', fɛdr 'Feder', redə 'reden', drɛdə 'treten', gridə 'geritten'; 4) b, d, g (звонкие) и p, t, k (глухие) совпали в произношении, как глухие слабые — так наз. lenes (мы обозначаем эти звуки через b, d, g — в соответствии с обычной немецкой диалектической транскрипцией): diš 'Tisch', doršt, 'Durst', šdəi^{n} 'Stein', vɛdr 'Wetter', lɛdr 'Leder', blik 'Blick', bå:^{r}t 'Bart', grå.s 'Gras', græits 'Kreuz' и др.; k перед гласным аспирировано: 'kålt, 'kopf; 5) st, sp > št, šp: mišt, brušt, šveštr, håšbl; 6) -n на конце слова отпадает: a) в односложных словах после долгого или удлиненного гласного: væɛ^{n} 'Wein', še:^{n} 'schön'; b) в заударном окончании -en > -ə (^{n}): ogsə 'Ochsen' pl., šbīlə 'spielen' и др.; 7) приставка ge- редуцирована перед глухими спирантами: gfålə, gšdårwə, gsåkt 'gesagt'; 8) в настоящем времени устраняется перегласовка 2—3 л. ед. числа: fålšt 'fällst', fålt, brɛχšt 'brichst', brɛχt.

Все эти признаки в процессе смешения во всех говорах остаются без изменения.

4. Для судьбы швабских элементов при столкновении с франкскими имеет значение установленное мною в другом месте различие между первичными и вторичными диалектическими признаками.[1] Под первичными признаками я понимаю наиболее резкие отклонения данного говора от нормы литературной или диалектической, под вторичными — отклонения менее заметные. Различие это не предполагает наличия твердых и незыблемых границ, однако, при всех процессах смешения оно обнаруживает свое значение. Напр., при столкновении исследованных мною швабских говоров с нормой литературного немецкого языка отпадают все наиболее

[1] См Проблемы колониальной диалектологии, стр. 214, а также: Die schwabischen Mundarten. Teuthonista, V, S. 165 f.

значительные отклонения диалекта от литературной нормы, а менее значительные сохраняются без изменений. То же происходит и при смешении швабских говоров с франкскими, опирающимися на общефранкскую диалектическую койнэ и на литературную норму. Несмотря на то, что швабы образуют абсолютное большинство во всех колониях кроме W, а в J и Gl их число доходит до двух третей, первичные признаки швабского говора повсюду совершенно исчезли: в социальном процессе языкового общения между разноязычными обитателями смешанной колонии они являлись наиболее значительным препятствием для взаимного понимания. К таким исчезнувшим признакам относятся: 1) дифтонгизация долгих o:, e: (ö:) > ao, ae: graos 'gross', šnae 'Schnee', baes 'böse'; 2) дифтонгизация iu > ui: fuir 'Feuer', nui 'neu', dui 'die' fem.; 3) дифтонгизация удлиненного ɛ > ëɐ: lëɐbr 'Leber', bëɐsɐ 'Besen', rëɐxt 'recht'; 4) выпадение -n- перед спирантами или d с заместительным удлинением или, соответственно, с дифтонгизацией коренного гласного: ga:ⁿs 'Gans', va:ⁿd 'Wand', faeⁿf 'fünf', vaeⁿšɐ 'wünschen'; 5) удлинение перед -cht: fru:xt, gŋëɐxt 'Knecht'; 6) некоторые явления из области морфологии, напр. формы глаголов 'gehen': Präs. 1. gaŋ, 2. gɔ:št, 3. gɔ:t, Pl. gaŋət (gɐɐⁿt); 'stehen': 1. šdand, 2. šdɔ:št, 3. šdɔ:t, Pl. šdandət (šdɐɐⁿt); Infin. gaoⁿ 'gehen', šdaoⁿ 'stehen', haoⁿ 'haben', laoⁿ 'lassen'; стяженные глаголы — 'sagen': Pras. Sing. 2. saešt, 3. saet, Prtp. gsaet; 'liegen': 2. ləišt, 3. ləit и мн. др.

Следует отметить, что процесс отпадения первичных признаков швабского происходит в смешанных говорах значительно быстрее и захватывает более широкий круг явлений, чем во всех новошвабских говорах, развивающихся только под влиянием воздействия литературной нормы. Так, наиболее передовые из новошвабских говоров (диалекты Люстдорфа, Гросс-Либенталя) еще сохраняют дифтонгическое произношение старых ie (ue), uo > iə, uə (перед носовыми — eɐⁿ, oɐⁿ): liəb, miəd, guəd 'gut', greɐⁿ 'grün'.[1] В смешанных колониях южной Украины (и Крыма) это явление совершенно исчезло.

5. Вторичные признаки швабского говора в процессе смешения конкурируют с соответствующими франкскими признаками. При этом вступает в силу количественное соотношение между группами говорящих. Впрочем, это количественное соотношение определяется, конечно, не простою числен-

[1] См. Die schwäbischen Mundarten, ib., S. 164 f.

ностью, но требует также учета социального веса соответствующей группы. К сожалению для решения последнего вопроса у нас имеется слишком мало фактических данных из эпохи основания колоний. Только в одном случае составитель отчета в кол. Нейбург определенно указывает, что именно «венгерцы», а не швабы были «создателями земледелия в колонии» («die Schöpfer des Ackerbaues dieser Kolonie»). Переселенцы из Вюртемберга были «почти исключительно ремесленниками» («fast lauter Handwerker»), они научились земледелию и скотоводству от прибывших в 1807 г. со своими лошадьми и повозками венгерцев.[1] Действительно, в результате процесса смешения несомненное преобладание получает говор экономически более мощной «венгерской» группы, несмотря на некоторое численное преобладание вюртембергских колонистов: говор кол. Нейбург (и Александергильф) в своей основе—венгерский (западнорейнскопфальцский), лишь с незначительной примесью вторичных признаков швабского диалекта (дифтонгическое a:i < ei: ha:is, bra:it; расширение i, u перед носовым > e, o (ǫ): reŋ 'Ring', joŋ A (jǫŋ N) — ср. ниже, § 11—12).

6. Для исхода борьбы между конкурирующими франкскими и вторичными швабскими признаками существенное значение имеет наличие или отсутствие внутри самой франкской группы дифференциации по отношению к тому или другому признаку. Признаки «общефранкские» не только поддерживаются в пределах данной смешанной колонии большим числом говорящих, принадлежащих к разным говорам франкского типа; они находят опору и в диалектах соседних франкских колоний, являясь, как я указывал в другом месте, грамматической основой для развития в колониях диалектического общего языка (койнэ). Поэтому такие «общефранкские» признаки отличаются особой прочностью и нередко одерживают победу над швабскими, даже когда последние поддерживаются литературным языком. Так, в большинстве смешанных говоров мы имеем: 1) ou > a: (å:) фрк. против шв. и литер. ao: fr'kå:ft 'verkauft', lå:fə 'laufen', g'l'å:p 'glaube'; 2) a: > o: фрк. — против шв. ɔ: и литерат. a:, напр. o:wət 'Abend', blo:sə 'blasen', ro:də 'raten'; 3) -b- внутри слова между гласными и после r, l > -w- фрк. против шв. и литер. -b-: li:wə 'lieben', g'l'å:wə 'glauben', šdærwə, 'sterben' (однако, в B наблюдается колебание между -w- и -b-); 4) ассимиляция интервокального -nd- > -n- фрк. — против шв. и литер. -nd-: benə,

[1] См. G Leibbrandt, S. 50.

'binden', fenə 'finden' (однако, в Gl наблюдаются колебания, а B имеет -nd-); напротив, -ndr- обычно сохраняется без ассимиляции (пф. -n^{d}r-, юфр. -ndr-, шв. и литер. -ndr-): 'kendr, åndrə.

Как я указывал уже в другом месте,[1] аналогичное вытеснение швабского ao, поддерживаемого литературной нормой, «общефранкским» a:, господствующим признаком диалектической койнэ, совершается даже в швабской колонии Гросс-Либенталь (в говоре среднего и молодого поколения): новое произношение опирается на диалекты соседних франкских сел, в особенности же — на частые браки с женщинами из этих сел. Такая победа признака более диалектического над более литературным не должна казаться парадоксальной; подобные явления наблюдаются в наших говорах довольно часто, конечно, только в том случае, если эти признаки не слишком резко отклоняются от литературной нормы (т. е. принадлежат к числу вторичных).[2] Если в смешанной в лингвистическом отношении семье один из родителей представляет фрк. a: ('ka:fə), другой — шв. ao ('kaofe), совпадающее с литературным произношением, то в сознании детей нередко происходит переосмысление социальной функции унаследованных форм: отцовское ao, по своему происхождению — также диалектическое (швабское), переоценивается как признак литературного, социально-«высокого» языка («vornehm», «nobel» — «благородная» форма), материнское a:, восходящее к другому диалекту (франкскому), воспринимается как специфически диалектическое. В результате в диалекте детей закрепляется a:, швабское ao вытесняется в литературный язык, точнее, в разговорный язык более высокого социального уровня («höhere Umgangssprache»). Такие контрастно-диалектические формы представляют, по своему происхождению, некоторую аналогию с так наз. «гиперлитературными» («hyperhochdeutsch», напр. ga:r вм. ja:r в берлинском говоре, ориентированном на литературный язык, на фоне диалектического jans вм. gans, jot вм. got).

Напротив, там, где франкские говоры различаются между собой по своим признакам, обычно побеждает швабская форма. Такова судьба дифтонга ei в противоположность ou: ei > шв. əe (ə·e), перед носовым oe^{n}

[1] См. Die schwabischen Mundarten, ib., S. 164 f.

[2] Напр., по наблюдениям А. Н. Штрема, в смешанном выселке Янино (Ленинградский окр.) побеждает средненемецкое p говора Средней Рогатки, вытесняя южнонемецкое pf — Ново-Саратовки и Колпина, поддержанное литературным языком. Ср. Проблемы колониальной диалектологии, стр. 203.

(o·e^{n}); в фрк. говорах· e: (ë:) з. р. пф., ɛ: ю. р. пф., æ: с. э., a: в. пф., a:i (å:i) с. б.; напр., шв. brɔed 'breit', hoe^{n}m 'heim' — против bre:d, hè:m з. р. пф. (венг.), brɛ:d, hɛ:m ю. р. пф., bræ:d, hæ:m с. э., bra:d, ha:m в. пф., brâ:id, hâ:im с. б. Из числа колоний J и W имеют brɔ:id, ho:i^{n}m, другие сохранили, по крайней мере, дифтонгическое произношение. То же относится к отражениям интервокального -g- в противоположность -b-: -g- > шв. и литер. -g-; в фрк. говорах· -g- с. б.: (^{u}) γ-, -j- с. э., в. пф.; -x-, -χ- ю р. пф.; выпадение и стяжение гласных в з. р. пф. (венг.); напр., шв., с. б. dra:gə 'tragen', fli:gə 'fliegen' — против drâ:(^{u})γə, fli:jə с. э., в. пф., drâ:xə, fli χə ю. р. пф.; drâ:(ə), fli:ə з. р. пф. (венг.). Из смешанных колоний большинство имеет -g-: drâ:gə; fli:gə.

В тех случаях, когда вторичный признак швабского говора представляет настолько незначительное отклонение от нормы, что происходящий при этом механический сдвиг артикуляции не доходит до сознания говорящего, такой признак, опираясь на численное большинство швабов, может вытеснить соответствующую общефранкскую форму, хотя бы поддержанную литературным произношением. Подобное явление наблюдается по отношению к раскрытию перед носовыми i, u > e, o, живому закону швабской фонетики, связанному с характерной для этого диалекта назализацией. Из смешанных говоров раскрытия не имеет только W, где швабы не составляли большинства: во всех остальных колониях сохранилось шв. e, o (ų Gl, N) — против фрк. и литер. i, u напр.: reŋ 'Ring', beŋə 'binden', joŋ (jųŋ), groŋ (grųm) 'krumm'.

7. Процесс борьбы между франкскими и швабскими признаками, а также франкских признаков между собой, должен был привести первоначально в смешанных колониях к своего рода двуязычию, частично не устраненному и до сих пор за 100 и более лет существования колоний. Из многочисленных примеров этого явления я приведу наиболее показательные.

В кол. Александергильф чередуется средненемецкое -p-, -pp- (признак «венгерских» говоров) и южнонемецкое pf-, -pf- (признак швабского). В ответах моих объектов я нахожу: 'poŝde 'Pfosten', 'pont 'Pfund', 'pέfr 'Pfeffer', 'pæift 'pfeift', pfæif (редко 'pæif, чаще русское заимствование: drubkə «трубка»), pfeŋšdə ('peŋšdə) 'Pfingsten', pflu:k (редко pluk, может быть — контаминация с русским «плуг»), pfre.mə 'Pfriemen'; šdobə 'stopfen', robə (ropfə) 'rupfen', šlubə (реже šlupfə) 'schlupfen', apfl, 'kupfr; 'kop ('kopf), tsop (tsopf), gŋop (gŋopf) 'Knopf', šdomp, šdromp (реже šdrompf),

grampf 'Krampf'. Тот же объект употребляет apfl, pflu:k и рядом 'peŋšdə, šdobə, šdomp. С другой стороны, один объект говорит 'peŋšdə рядом с 'kopf, другой — pfeŋšdə рядом с 'kop. Наконец, некоторые указывают для определенных слов две равноправных формы, напр. robə (ropfə), 'kop ('kopf), tsop (tsopf). Однако, такие слова, как 'pošdə, 'pan, šdomp употребляются только с p, слова apfl, 'kupfr, pfre:mə — только с pf («apl — так говорят в Нейбурге», ответил мне один из моих собеседников). Таким образом в результате борьбы конкурирующих форм разрушается единство звукового ряда («звуковой закон») и появляются фонетические дублеты. При этом, хотя шв. pf поддерживается литературной нормой, тем не менее фрк. p оказывает ему сильное сопротивление. оно довольно прочно в начале слова, в то время как в середине и в конце нередко побеждает pf. Можно думать, что в будущем через перераспределение внутри ряда намечается новый «звуковой закон»: 'p- в начале слова, -pf в середине и в конце. В Нейбурге во всех случаях победило p; pf сохранилось только в трех реликтах — 'kupfr, pfre:mə, grampf.

Дублеты, как отражение двуязычности, встречаются также в лексически обособленных словах: напр. в Нейбурге употребляются венг. himəd и шв. heməd 'Hemd', венг. is и шв. iš 'ist'. Последнее явление наблюдается и в Александергильфе, но здесь подавляющее большинство поселенцев говорит iš (как в соседних швабских и католических колониях): семейство Wohl, сохранившее венгерскую форму is, получило прозвище «is-Wohl».

В тех случаях, когда различие в произношении настолько незначительно, что не доходит до сознания говорящего, оно проходит механически через все слова, содержащие данный звуковой комплекс: расстройство звукового ряда, отдельные вытеснения слов и дублеты при этом не возможны; конкурируют два типа произношения определенного фонетического элемента, имеющие каждый свою группу носителей. Так, в Нейбурге существует различие в произношении u перед r > u шв. или o венг. (з. р. пф.): одни говорят 'kuˈts, vuršt, duršt и т. д., другие 'koˈts, voršt, doršt и т. д. Аналогичное явление наблюдается при расширении удлиненного закрытого e перед носовыми > шв. e:ⁿ, венг. é:ⁿ: одни говорят še:ⁿ 'schön', gše:ⁿ 'geschehen', se:ⁿ 'sehen' и т. д., другие — šë:ⁿ, gšë:ⁿ, së:ⁿ и т. д.

8. В некоторых случаях, в результате процесса смешения, на наших глазах происходит заметная эволюция говора, которую можно проследить на нескольких последовательных поколениях в пределах одного села. Так,

в колонии Глюкстaль происходит борьба между ei > å:i (шв. ɔ•e, с. б. a:i) и å: (пф.); формы на å:, повидимому, побеждают в более молодом поколении. Мои записи показывают в пределах одной семьи следующие различия. У старшего поколения (больше 60 лет): hå:is, brå:it, då:il, så:if, g'l'å:id, g'l'å:idr, flå:iš, å:i 'Ei'; перед носовыми — šdå:iⁿ, nå:iⁿ 'nein', hå:im, må:iⁿšt. У среднего поколения (30—40 лет): hå:s, då:l, g'l'å:d, g'l'å:dr, flå:š, — brå:it, lå.idr, så:if, vå:i⁄, då:i⁄ 'Teig', å:i: перед носовыми: šdå:ɪⁿ, nå:iⁿ, hå:im, — må:nšt, 'kå:nr. У младшего поколения (16—20 лет). hå:s, då:lə 'teilen', lå:dr, flå:š, vå.s '(ich) weiss' — vå:i⁄, då.ɪ⁄, så:if, å:i, hå:im. Повидимому, как новый «звуковой закон», устанавливается монофтонгизация перед дентальными. Более широкое монографическое обследование этой колонии могло бы выяснить причины и детали намеченной здесь эволюции.

В колонии Ватерлоо наблюдаются два процесса: 1) расширение гласных перед r : i, e + r > ɛ у старшего поколения, æ у среднего и младшего; u, o + r > ɔ у старшего поколения, å у среднего и младшего. Старшее поколение говорит: 'kɐrtsr 'kürzer', bɐršt 'Burste', bɐrk 'Berg'; vɔrəm 'Wurm', 'kɔrəp 'Korb', dɔrəf 'Dorf'; среднее и младшее — с более широкими гласными: 'kærtsr, bæršt, bærk; vårəm, 'kårəp, dårəf; 2) вокализация -r после гласного: в произношении среднего и младшего поколения вместо старого переднеязычного -r появляется заднеязычное сильно редуцированное ˞, переходящее, в особенности после долгих, в гласный элемент заднего образования: šå˞ts 'Schurz', gæ˞n 'gerne', gå˞də 'Garten', besʁ(˞) 'besser', šɛ:ʁ(˞) 'Schere'. Оба явления объясняются частыми браками с женщинами из соседней франкской (рейнскопфальцской) колонии Рорбах. Мне приходилось наблюдать, как в смешанной семье эти и другие особенности матери, уроженки Рорбаха, переходили на детей. При этом существенно, что новые признаки поддержаны совпадением с «общим языком» (диалектической койнэ) большинства других березанских колоний, принадлежащих к южнорейнскопфальцскому типу.[1]

9. Когда в результате борьбы конкурирующих грамматических явлений одно из них окончательно побеждает и вытесняет другое, нередко остаются отдельные реликтовые слова, как рудименты вытесненного говора. Так, в южнонемецком диалекте колонии Ватерлоо, рядом с господствующим pf- сохранилось средненемецкое 'p- в изолированном слове 'pedri⁄ 'Pate'

[1] Ср. Проблемы колониальной диалектологии, стр. 208

(крестный отец): слово это уцелело, потому что не имеет фонетического соответствия с pf- ни в литературном языке, ни в швабском диалекте (где употребляется синонимическое de:də). Точно так же в колонии Иоганнесталь, усвоившей характерное для франкских говоров расширение гласных перед r (> ɛ, ɔ), сохранились узкие гласные (как в швабском) в словах vurəm 'Wurm', virəm 'Würmer' pl., 'kirəx 'Kirche', 'kirš 'Kirsche' (также 'kɛrš). Примеры этого явления очень многочисленны.

10. Иногда двуязычность, в результате скрещения конкурирующих форм, приводит к новым компромиссным образованиям, как это неоднократно наблюдали немецкие и французские диалектографы в районах двух различных говоров. Напр., в швабском диалекте существует интервокальное -b-, причем предшествующий ему краткий гласный удлиняется в открытом слоге, между прочим также — перед заударным сонорным: šna·bl, na:bl, ga:bl, gšri:bə 'geschrieben', bli:bə 'geblieben'. В франкских говорах, напротив, интервокальное -b- > -w-, причем сохраняется краткость предшествующего гласного: šnâwl, nâwl, gâwl, gšriwə, (gə)bliwə. Из числа смешанных говоров, Иоганнесталь и Гюльдендорф имеют швабскую долготу и франкское -w-: gâ:wl (< шв. ga:bl + фрк. gâwl), šnâ:wl, nâ:wl, gšri:wə, bli:wə. Таким образом в результате скрещения один из признаков слова заимствуется из одного говора, другой — из другого. Аналогичные явления наблюдаются для некоторых из этих слов в переходных франко-швабских говорах сев. Вюртемберга и Бадена, напр. в Rappenau (Баден) имеем šna:wl, na:wl.[1] Однако, у нас нет никаких оснований выводить большинство наших колонистов именно из этих мест. Скорее можно думать, что мы имеем в данном случае совпадение, как результат конвергенции, и что в самой Германии эти явления возникли таким же путем, как в наших колониях, из скрещения франкской и швабской формы.

Другой характер имеют компромиссные образования, в которых, в результате взаимодействия двух крайних звуковых типов, устанавливается новый промежуточный тип. Расширение гласных перед r является характерным примером. В швабских говорах i, u перед r + cons. удлиняется, сохраняя качество гласного звука: vu:ʳšt, 'ku:ʳts, vi:ʳt, bi:ʳšt. В франкских говорах сохраняется краткость, но происходит расширение различных степеней, напр. ɛ, o венг. (з. р. пф.); ɛ, ɔ с. б.; æ, å ю. р. пф., с. э. и т. д.

[1] Ср. Othmar Meisinger. Die Rappenauer Mundart. Heidelberg, 1901, стр. 37. Впрочем сам Мейзингер находит косвенные доказательства относительной новизны этих форм.

В смешанных говорах удерживается краткость (фрк. и лит.), но расширение гласного, в результате компромисса, остается незначительным, напр. e, o (так в A, N, Gl, B). Ср. Глюкталь: voršt (< шв. vu:ˈšt + фр. våršt, voršt), ˈkoˈts; beršt (шв. biːˈšt + фр. bæršt, bɛršt). Отмеченные выше (ср. § 7) в говоре Нейбурга колебания между u и o перед r также свидетельствуют о двуязычии, как основе компромиссных образований. Возможно, что компромиссный характер имеет также произношение e и o перед r, которые в смешанных говорах в большинстве случаев отличаются менее открытым качеством (ɛ и ɔ, тогда как во многих чисто франкских говорах имеем a и å). Вместе с тем в говорах смешанного типа нередко наблюдаются индивидуальные колебания в качестве гласного перед r и неуверенность самого говорящего, которая еще усиливается, благодаря воздействию литературной нормы. В то время как в чистых, резко выраженных говорах франкского типа (напр. в южнорейнскопфальцском на Березани или в северноэльзасских на Кучургане) открытое произношение гласного (æ, å) фиксировано совершенно прочно, как диалектическая норма, в смешанных говорах сохраняется довольно широкая «амплитуда колебаний» между более закрытой и более открытой позицией, из которых еще не выкристаллизовалась точно фиксированная «нормальная» звуковая форма. Напр. в W и B: ˈkårəp — ˈkɔrəp, dårəf — dɔrəf и т. д. Сходные явления наблюдаются в так наз. «швабских» говорах Крымреспублики.

11. В области морфологии конкурируют различные типы образования множественного числа настоящего времени. Швабские говоры имеют для всех трех лиц общую форму -əd: Praes. plur. 1—3: breŋəd; из франкских говоров зарейнская группа (рейнскопфальцские и северноэльзасские диалекты) имеет общую форму -ən (или -ə̀): Praes. plur. 1—3: breŋə(n). И та и другая система окончаний частично не соответствует норме литературного языка, в котором второе лицо (-t) отличается от первого и третьего (-en); по этому последнему типу чередуются окончания в говорах восточнопфальцском и севернобаденском (1) briŋə; 2) briŋt; 3) briŋə). Несмотря на то, что в смешанных говорах (напр. особенно в J и Gl) участвуют элементы баденские, во всех изучаемых колониях утвердилась та или иная общая форма множественного числа для всех трех лиц: зарейнское окончание -ən в A, N, Gt, B, W, швабское окончание -əd в J и Gd, к которым присоединяются в этом отношении «швабские» говоры Крымреспублики. Очевидно, что функциональное различие лица при глаголе достаточно

выражено в немецких диалектах употреблением личного местоимения и не нуждается в дополнительном признаке особого окончания. Процесс смешения, расшатывая систему личных окончаний, способствует переходу от так наз. «синтетического» типа к «аналитическому».

Любопытно отметить, что Александергильф и Нейбург, несмотря на некоторое численное преобладание вюртембергских поселенцев над «венграми», приняли зарейнскую форму -ən, а не швабскую -əd, несмотря на то, что последняя могла опереться на говор соседней швабской колонии Гросс-Либенталь, утратившей первичные признаки швабской фонетики, но сохранившей это окончание. Объяснение этого явления, как и аналогичных фактов в области словаря (см. ниже, § 12), я вижу в социальном перевесе «венгерской» группы над швабской, который отмечен составителем Отчета кол. Нейбург (см. выше, § 5).

12. Большое значение для определения элементов языкового смешения могла бы иметь географическая лексикология. В колониальных говорах, при поглощении одного говора другим, нередко наблюдается, что вытесненный диалект, утратив все свои грамматические признаки, оставляет отдельные реликты в области словаря. Наиболее показательным в этом отношении является так наз. «этнографический словарь», точнее — словарь крестьянского хозяйства, с его специальной терминологией, не имеющей соответствия в городском (так наз. «литературном») языке. Так напр., в кол. Рыбальск (Днепропетровский окр., основ. 1789 г.) говор первоначальных поселенцев, происходивших из области Данцига (нижненемецкий), был совершенно вытеснен средненемецким (рейнскопфальцским?) говором позднейшей партии колонистов; однако, в словаре имеются реликты, напр. слово 'kojel 'Zuchtschwein' (= «кабан»), встречающееся в Германии, как мне любезно сообщил проф. В. Циземер, редактор Прусского диалектологического словаря, только в низовьях Вислы (по указанию В. Циземера — литовское заимствование: древне-прусск. cuylis). В верхненемецких говорах колоний так наз. «шведской группы» (около гор. Бериславля, Херсонского окр.) мой ученик Л. Р. Зиндер открыл ряд слов нижненемецкого происхождения из вытесненного в процессе смешения, вероятно — также западнопрусского говора; напр.: gendər 'Gänserich' («гусак»), ɛrbl 'Enterich' («селезень»), bol 'Zuchtstier' («племенной бык») и др. Это подтвердило мое первоначальное предположение о том, что начальное f- в этом говоре (в таких словах, как flūg 'Pflug', fæifə 'pfeifen', fɛfər 'Pfeffer') возникло из смешения

нижне немецкого p- и южнонемецкого pf-, как это произошло в самой Германии, по теории Вредэ, в восточносредненемецких говорах.[1]

К сожалению, для наших говоров исследование этих вопросов затрудняется как неточностью исторических сведений о происхождении колонистов, так и недостаточной разработанностью вопросов географической лексикологии в печатных диалектологических грамматиках и словарях в самой Германии. Тем не менее, на одном примере, для смешанных колоний Александергильф и Нейбург — мне удалось получить достаточно отчетливые результаты. В основу собирания материала была положена моя словарногеографическая анкета, заключающая 53 термина, относящихся к области этнографического словаря («словаря крестьянского хозяйства»): названия домашних и полевых животных, распространенных насекомых, крестьянского жилища и утвари, пищи и некоторые другие. Для определения швабских источников словаря этих колоний я пользуюсь указаниями Herm. Fischer (Schwäbisches Worterbuch) и словарными записями, сделанными моими учениками Л. Р. Зиндером, В. П. Погорельской и Т. В. Сокольской в чисто швабских колониях Закавказья (Катариненфельд и Елизабетталь). Для «венгерских» (западнорейнскопфальцских) источников я пользуюсь рукописными картами Пфальцского словаря, любезно предоставленными мне его редактором проф. Е. Кристманом, и моими записями в чистых «венгерских» колониях Одесского округа (Альт-Фрейденталь: AF).

Из общего числа 53 слов моей анкеты 32 слова не поддаются дифференциации, так как принадлежат одинаково обоим говорам. Из швабского говора осталось только три слова: 1) homl 'Zuchtstier' («племенной бык»: пф. farə 'Farren', венг. AF vigə); 2) ha:iləndfe:gələ 'Marienkäfer' («божья коровка»: пф. AF hɛrgotsfe:g′l′t′χə); 3) g′l′u.f 'Stecknadel' («булавка»: пф. go:f, AF šdeknō:dəl?). Сомнительным является слово ėwər 'Zuchtschwein' (шв. ėʷbr, з. р. пф. hetš, однако AF также ėwər). В 17 случаях мы имеем слова пфальцского происхождения: 1) ha:ⁿn 'Hahn' («петух», шв.: gog′l′ и др. того же корня); 2) heŋg′l′ 'Huhn' («курица», шв. hoʷⁿ 'Huhn' или hen 'Henne'); 3) heŋkələ 'Küchlein' («цыпленок», шв. heʷⁿlə 'Hühnlein'); 4) ganəsər 'Gänserich' («гусак», шв. gentsgər); 5) 'ka.dr 'Kater' («кот», шв. releŋ, ralr и т. п.); 6) šdi:riχ 'brunstig (von einer Kuh)'

[1] См Проблемы колониальной диалектологии, стр. 210.

(шв. rendəriχ); 7) gelts 'Stechmücke', так же AF[1] («комар», шв. šnɔ:g 'Schnake', фр. šno:k); 8) flėdərmæus 'Schmetterling' («бабочка», шв. bəufaltr, vae^{n}faltr 'Falter'); 9) šbekmæus 'Fledermaus' («летучая мышь», шв. fleɐdrməus); 10) mæuərvolf 'Maulwurf' («крот», шв. məulvɛrfr, məulvurf); 11) šbæiχr 'Dachraum' («чердак», шв. be:nə); 12) šaŋk 'Schrank' («шкаф», шв. обычно 'kaštɐ); 13) šdrɛ:l 'Kamm' («гребенка», шв. обычно 'kam); 14) gæuntš A., ga^{n}ŋkš N. 'Schaukel' («качели», шв. gəutš); 15) gumər N 'Gurke' («огурец», шв. gugomr, также A); 16) fuš 'Fisch' («рыба», шв. fiš); 17) šlifr 'Splitter (im Finger)' («заноза», шв. šbrəis).

Это подавляющее преобладание пфальцских элементов в словаре обеих колоний требует объяснения. Правда, в некоторых случаях пфальцская форма поддерживается литературным языком (№№ 1, 5), но это вряд ли имеет большое значение для слов крестьянского обихода, в особенности — в условиях, когда городские потребители продуктов крестьянского хозяйства говорят по-русски. В целом ряде случаев пфальцский термин совпадает со словоупотреблением большинства других франкских колоний (№№ 2—4, 8, 9, 11—14). Однако, соседняя швабская колония Гросс-Либенталь, районный центр, с которым Александергильф и Нейбург теснее всего связаны, как территориальной близостью, так и брачными отношениями, сохранил почти во всех случаях (кроме №№ 8—9) соответствующую швабскую форму, хотя в то же время в области грамматики утратил важнейшие первичные признаки швабского диалекта («новошвабский тип»).[2] К тому же в целом ряде случаев «венгерская» (западнорейнскопфальцская) форма изолирована среди прочих франкских говоров, которые приближаются к швабскому слову или совпадают с ним (№№ 7, 10, 15, 17); в некоторых других примерах в литературном языке находила поддержку именно швабская форма (№№ 8, 9, 13, 16). Принимая во внимание численный перевес в обеих смешанных колониях выходцев из Вюртемберга над «венгерцами» (см. выше, § 2), мы находим объяснение преобладанию в крестьянском словаре «венгерских» элементов в социальном весе «венгерской» группы. И действительно, как мы видели из отчета по колонии Нейбург (см.

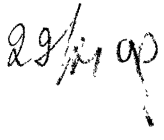
[1] Ср P. Kretschmer Wortgeographie der hochdeutschen Umgangsprache (1918), стр. 341, где это слово приводится как австрийское (Gelse), между прочим и для немецких колоний в пределах Австро-Венгрии (Трансильвания, Ципс) Повидимому, наши «венгерцы» принесли его со своей второй родины, как и изолированное vigə 'Zuchtstier' в AF (см. № 2).

[2] Ср. Проблемы колониальной диалектологии, стр. 191.

выше, § 5), венгерцы в хозяйственной жизни колонии играли главную роль. По словам хроникера, «они являлись создателями земледелия в кол. Нейбург». Говор этих колоний подтверждает таким образом решающее значение социального фактора в процессе языкового смешения: как в грамматическом, так и в лексическом отношении, он является «венгерским» (западнорейнско-пфальцским) в своей основе, с сохранением некоторых реликтовых элементов (вторичных признаков) швабского диалекта.

20 III 1930.

Фундаментальная
библиотека
Общественных Наук
Академии Наук СССР



29/11 90